

сле арестовали 2 рабочих “по подозрению”. Арестовали и трёх молодых людей, которые отправились на несколько дней на Столбы рисовать с натуры. Арестовала их полиция (и теперь в тюрьме сидят) без ведома прокур<орского> надзора, по распоряжению Вашего знакомого Сазонова, теперь исправл<яющего> должн<ость> губернатора, только за то, что они мало нарисовали и мало израсходовали красок. А на Столбах их накрыли в виду слухов, что там фабрикуются прокламации и работают на гектографе. У нас жизнь идёт до тошноты вяло. Наши обществ<енные> деятели сидят по углам и брюзжат, да друг друга едят. А бедствия неурожая всё ярче и резче обозначаются.

В Подъотделе у нас до сих пор не было ни одного заседания и мы скоро будем изображать “Лебедь, щуку и рака”. Кто такой Солярский, ей-Богу не знаю, но я уж больше не стану с ним сражаться, ну его. И так намолости довольно!

Просить Вас сходить к Айгустовым, я думаю, не следует теперь, для Вас это затруднение, а особой необходимости пока нет; вчера Айгустов прислал письмо, из которого видно, что он берёт на себя бразды правления по дому. К тому же в июне или июле мне предстоит служебная поездка в Томск по крайней мере на неделю. Впрочем, если Вас не затруднит прогулка к нам в сад, ходите, посмотрите, поговорите со стариком Айгустовым; нам нужно, чтоб он вносил деньги в Думу, в уплату за участок земли прикупленной к усадьбе; нужно, чтоб деньги вносились исправно. Кроме того желательно узнать у Вологодского существующие цены на квартиры в Томске; Айгустов платит нам по 35 рублей в месяц за весь дом — верх и низ и флигель — нужен во дворе; в его пользовании весь двор со службами, роща и сад. Не мало ли он платит; может быть, нам не мешает увеличить доходность имущества, не нарушая справедливости. Со вчерашнего дня на Енисее началась навигация.

6 мая ждут Я. А. Манерова; он снаряжается в экспедицию в Восточный Алтай от Министерства Двора. Подробностей не знаю.

Наши все шлют Вам свой привет. Преданный Вам Адрианов.

В. В. Лаврский

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА Г. Н. ПОТАНИНУ

Валериан Викторович Лаврский — шурин Потанина, брат его первой жены. Оба, Лаврский и Потанин, родились в 1835 году.

В своих воспоминаниях Потанин пишет: “Старший сын священника, Валериан учился сначала в нижегородской духовной семинарии и кончил курс казанской духовной академии. Его семинарские годы совпали с тем временем, когда там учился будущий критик Добролюбов, который в своих автобиографических заметках говорит, какое имел влияние на него кантонист-однокашник”. “Вообще, — отметил Н. А. Добролюбов в дневнике от 24 января 1853 года, — степень моего уважения и расположения к этому человеку я измеряю мои нравственные и умственные успехи. <...> Не сойдись бы я с ним, — я уверен, что моё развитие пошло бы совершенно иначе”. Более того: человек, сформировавший будущего критика, позже, в казанской академии, оказался одним из лучших учеников и друзей архимандрита Феодора (Бухарева), того, кто — по П. А. Флоренскому — “есть родоначальник религиозного и отчасти литературного течения нашей современности...”

11 (23) января 1874 года Потанин женился на Александре Викторовне Лаврской. Александра была любимицей Валериана. “На сестру, — писал он Ал. И. Дубровиной в начале 1860-х гг., — вы можете смотреть как на повторение меня самого, только в женском облике. <...> мой образ мыслей будет всегда и её образом мыслей...” Он и позднее, в 1882 году, писал сестре:

“надеюсь — не ослабеваешь в вере в нашу близость по духу...” “Старший брат, — утверждает Потанин в воспоминаниях, — заменил ей школу”. Это подтверждается и письмом А. В. Потаниной к Н. М. Ядринцеву от 1873 года, где она шутливо сообщала, что окончила курс наук в семинарии — курс наук старшего брата. А юношеские увлечения Валериана естествознанием послужили прекрасным подспорьем для будущей путешественницы, достойной сотрудницы своего мужа. Между прочим, после смерти отца (1861 год), чтобы церковный приход сохранился за семьей, она чуть не вышла замуж за кого-либо из будущих священников (в ту пору в духовенстве существовал порочный метод так называемого зачисления мест, когда место умершего занимал кандидат, изъявлявший желание жениться на дочери покойного), но невнимание женихов Александры “к нравственной стороне этого дела” заставило Лаврского самого решиться на принятие священства. “Так, — радовался он, — уцелела свобода сердца Александры Викторовны <...>, которой она так счастливо в своё время воспользовалась, сделавшись подругой жизни Григория Николаевича Потанина”. Как вспоминает Потанин, о. Валериан тогда “служил священником в Варшаве...”

В 1875 году В. В. Лаврский уже ректор саратовской семинарии и редактор местных епархиальных ведомостей. О том, что о. Валериан стал ректором, Потанин счёл не лишним упомянуть в письме к Н. М. Ядринцеву от 22 мая 1876 года.

В 1880 году Г. Н. Потанин советовался с о. Валерианом относительно собственных филологических гипотез — в частности, “при установлении параллелизма между среднеазиатскими и семитскими именами ...” Когда же Лаврский получил от Потанина номер “Восточного обозрения” за 1882 год со статьёй о “медведе — сыне неба”, то напрямую высказал своему знаменитому зятю: “... не могу верить в плодотворность Ваших учёных работ — в направлении отыскивания христианских начал в области фетишизма. Но <...> должен бы ждать выхода в свет того Вашего сочинения, в котором излагаются основы Вашей теории...”

С 1885 года В. В. Лаврский — на епархиальной службе в Самаре. Здесь он так же стал редактором ведомостей, а позже — кафедральным протоиереем. В 1887 году ему предложили занять кафедру богословия в Казанском университете, но он отказался. Потанин выражал горячее желание видеть Лаврского живущим в Петербурге, там же, где и он с женою: “Григорий Николаевич, — писала родным А. В. Потанина, — мечтает о том, чтобы Валерьяну перейти в Петербург, а я боюсь, что он всё равно не воспользуется благами большого города...” Это было принципиальной позицией Лаврского; могущий добиться известности как религиозный публицист, он всегда старался печататься под псевдонимами, — и, кстати сказать, А. В. Потанина постоянно советовалась с ним относительно своего литературного стиля.

Г. Н. Потанин отмечает в воспоминаниях, что Лаврский — “большой знаток Канта”. Шопенгауэра Лаврский знал тоже не понаслышке и с удовольствием читал Вл. Соловьёва.

В 1893 году А. В. Потанина скончалась. А в 1907 году единственный сын Лаврского Аркадий переехал в Томск и вскоре стал заведовать в технологическом институте кафедрой минералогии и кристаллографии. Так рядом с Г. Н. Потаниным стал жить его племянник.

Судя по косвенным данным, о. Валериан погиб в конце 1918 года — после взятия Самары войсками бывшего томского студента Валериана Куйбышева. Если это так, то “единственный в семинарии друг” Н. А. Добролюбова, любимый ученик А. М. Бухарева, корреспондент таких разных философов как В. В. Лесевич и П. А. Флоренский, родственник и друг Г. Н. Потанина разделит судьбу многих безвинно погибших священников.

Мы предлагаем для первой публикации два последних письма Валериана Викторовича Лаврского Григорию Николаевичу Потанину. Оригиналы находятся в Научной библиотеке ТГУ: архив Г. Н. Потанина, №№ 1292 и 1293.

Н. В. Серебренников

<Самара, конец декабря 1914>

С новым годом поздравляю Вас, дорогой Григорий Николаевич, и Марию Георгиевну¹! Как меня обрадовало, что Вы вздумали написать нам. Аркадий и Оленька², бывши у нас проездом в Москву, сказывали, что и не нам одним, а многим из Ваших друзей Вы сделали такой же вызов к воскрешению переписки. Порадовало нас и то, что около Вас по-прежнему группируются люди, связанные общностью немеркантильного характера, так что у Вас, — несмотря на наши преклонные годы, — сами собой устроились своего рода журфиксы. Помогите Вам Бог продолжать быть таким объединяющим центром для своей среды, к<ак> это было во дни жизни сестры Александры Викторовны. Слышал, что Ваше зрение изменяет Вам и вынуждает пользоваться чужими глазами и чужими пальцами. В этом отношении я счастливее Вас, к<ак> видите, и хотя пишу медленнее, часто рисую буквы, а не пишу, но всё ещё обхожусь без диктовки и сам держу последнюю корректуру моих рукопис<е>й, переписывая набело написанное прежде и прежнюю беловую р<у>к<о>п<и>сь обращая в черновик. А вот ноги начинают мне изменять, да не самые ноги, а нервные центры, управляющие мои<ми> движениями; всходить по ступенькам лестницы, а ещё более сходить — часто оказывается для меня дов<ольно> серьёзной задачей и не потому, чтобы я в самом деле не мог сходить и всходить иначе, как по-младенчески, на каждую ступеньку ставя и правую и левую ногу, а по какой-то младенческой неуверенности, к<ак> бы не сделать «ложного шага»; это и даёт мне вид такой беспомощности, что домашние об<щественни>ки караулят меня, как бы я не ушёл один, и к<ак> т<оль>ко заметят, что на мне шапка и калоши, бегут догонять меня и без церемонии подхватывают под левую руку и ведут. Утвердился этот обычай со времени последнего моего паден<ия>, когда у меня оказались надломленными кости в плечевом суставе. Но я надеюсь ещё отвоевать себе опять свободу передвижения, когда под ногами у меня будут опять камни тротуаров и мостов, а не лёд и снег. Вот Вам печальная исповедь моего одряхления. Это то, что для всех видимо; а параллельно этому у меня развивается и другого рода неуверенность в себе, о которой другим я не рассказываю. Чаше и чаще посещает мысль, — не оглупел ли я. Тут только уже внутренняя критика того, что говорят и делают другие, — является успокаивающим: нет! ведь вот чужую глупость я вижу и понимаю; следовательно, я ещё не вовсе слеп. Но ... побаиваешься и всё чаще и чаще помалчиваешь при виде того, что тебе кажется глупым; нет-нет, да и остановит мысль: а м<оже>т быть, — это я поглупел.

В какое интересное время живём мы! Кто бы подумал 10 лет назад тому, что нам приведётся собственными глазами видеть и пережить и маленькую революцию и установление нового твёрдого порядка. Думаю, что и из настоящей, не бывалой ещё по размерам — встряски ничего не выйдет существенно нового; думаю, что и опять старуха а la Витте³ сумеет из украден<н>ой пшеничной муки испечь такой пирог, что никто и не догадается, что это пшеничный, а не ржаной. Польша и Галиция получают обещанный Верховным Главнокомандующим сюрприз⁴, и никто не заметит осуществл<е>ния всех дарованных свобод и многих других. И будут люди, сидя у знакомого разбитого корыта, платить миллиарды за все разбитые горшки.

Наше молодое поколение устраивает себя — как нам и не снилось в наши дни мундирчиков с золотыми или серебряными пуговицами и казённых экзаменов. Теперь, с этими зачётами, они, кажется, и

сами не знают, — на каком кто курсе и уйдут или не уйду<т> от участи лежать в окопах, убивать других и подставля<ть> себя под пули. Слушание лекций сведено к какому-то условному переживанию формальности, дающей право — доказывать собственными работами, что студ<ент> N. N. учебной корпорации приобрёл требующиеся от него познания. И вот идёт какая-то учебная скачка на призы. Кажется, в этой системе самообразования есть много хорошего, потому что она заставляет молодёжь истинно трудиться; но учебные учреждения и в частности профессор<а> их — дают ли они то, что д<олж>ны были бы давать? И не перекладывают ли на плеча студентов тяготу науки, которую д<олж>ны были бы и сами понести? Коля, Миша и Шурка Миклашев<ские>⁵ усердно (по крайней мере мальчики) участвуют в этой скачке с препятствиями. Не могу быть довольным женским образованием, судя по Шуркиной, считающ<е>й-ся здесь самою лучшею, — гимназии относительно постановки в ней дела не на угоднических началах. Самая молодая поросль, блуждающая ещё в дебрях правописания, около трёх сосен Ъ, Е и Ъ, и считающая ноги у лошадок, которых рисует, тоже радуется нас свободно развивающимися силами. Вот только наследство прежних по-<ко>лений — болезни на почве нервной и их последствия, частью уже выразившиеся, частью ещё угрожающие своим развитием, омрачает горизонт той жизни, до которой мне уже не дожить. Утешаюсь верою, что не по-моисейски, с горы, только издали увижу землю обетования пред смертью⁶, но и по смерти буду следовать всеми силами и стремлениями души моей за такими вождами народа Божия, как Иисус Навин, Геден, Сампсон, Давид и др<угие>, которые будут побеждать без пролития крови, без обесчащивания матер<е>й, без слёз, причиняемых жёнам смертью муж<е>й⁷. Этой победе истинной жизни над кажущейся смертью надеюсь я радоват<ь>ся, когда и костей моих в земле следа не останется.

Сестра Антон<ина> В<икторовна>⁸ шлёт свой привет Вам и Марии Георгиевне.

Ваш душевно пред<анный> прот<оиерей> В. Лаврский.

Примечания.

1. Потанина Мария Георгиевна (урожд. Васильева, 1863 - 1943) — поэтесса, жена Г. Н. Потанина в 1911–1917 гг.

2. Лаврские: Аркадий Валерианович (1863–1944) — геолог, в 1908–1939 и 1943–1944 гг. профессор Томского технологического (в 1934–1944 индустриального) института, с 27 декабря 1918 по 14 мая 1919 гг. председатель томской городской думы; Ольга Петровна (урожд. Оптовецва, 1873 — не ранее 1939) — его жена.

3. Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — граф, в 1892 г. министр путей сообщения и инициатор строительства Сибирской железной дороги, в 1892–1903 министр финансов, в 1903–1906 председатель Комитета министров (с 1905 Совета министров). Вспоминая революцию и составление Витте манифеста 17 октября 1905 г., Лаврский проводит параллель между нынешней ситуацией и тогдашней, вызванной войною с Японией, когда в 1905 году Витте подписал тяжёлый для России Портсмутский договор о мире.

4. Николай Николаевич Младший (1856–1929) — великий князь, генерал от кавалерии, в 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий. Вероятно, его обещание связано с обещанием Николая II образовать этнополитические системы Польши и Украины в результате отвоевания прусских и австрийских территорий.

5. Миклашевские Николай (1893–?) и Михаил Степановичи и Александра Степановна, внуки Лаврского, дети его племянницы Софии Львовны.

6. См.: Втор. 34, 1 – 5.

7. Упоминаемые библейские герои отличались воинственностью: завоевавший обетованную землю Иисус Навин, разбивший мadianитян Ге-

деон, преследовавший филистимлян Сампсон (Самсон) и Давид, воевавший с окружающими Израиль народами.

8. Лаврская Антонина Викторовна (1854 — не ранее 1918) — сестра Лаврского, учительница.

II

11. 1. 1918. Самара

Напрасно Вы упрекаете себя, дорогой наш брат, Гр<игорий> Н<иколаевич>, что редко и мало пишем мы друг другу; мудрено, живши врознь, поддерживать постоянное друг с другом общение. Я верю, верьте и Вы, что любовь наша к сестре А. В. и память<ь> наша о ней делают нас неизменно роднее м<еж>ду собою, чем со многими близко живущими. Постараю<сь>, — разыскать и послать Вам письма с описанием последних дней жизни брат<а>¹. Он точно т<а>к же не переставал до конца чувствовать себя самым близким к Вам по духу. Умер спокойно на руках сестры Ант<онины> В<икторовны>, проживш<е>й у него с м<еся>ц перед его кончиной, и на руках Дуни, — прислуги, жившей у него лет <пропуск> и ухажив<ав>шей за ним не к<ак> наёмная, а к<ак> родная дочь. Мне думается, что для него лучше, что он не дожид до настоящих дней полного распада всего и неразумных попыток — насильственно дать народу самое лучшее вместо хорошего. Вы, к сожалению, не м<о>же<те> верить, а я верю, что теперь ему видно больше, чем нам, пережившим его, что зреет для нас и для всех живущих в непроглядной тьме будущего. Вот и пал образ жизни, который давил душу Вашу больше 80 лет; обрисовывается образ будущей государственной и народной жизни, и Вы сами дожили до осуществления многого из того, за что целую жизнь страдали. Признание бескорыстной Вашей любви к несчастному народу сделало Вас если не фактическим, то декларативным Президентом Сибири к<ак> республиканского фрагмента Русской федеративной Республики². Боюсь, что это не утешает Вас, при сознании нев<о>зм<ож>н<о>сти для Вас дать слепцам то, что им было бы нужно. Но не м<о>же<т> не утешать Вас то, что Вы послужили знаменем, к к<о>то<р>о<му> собираются все честные люди, при всём разнообразии политических их убеждений. Вы можете, умирая, порадоваться, что всю жизнь не гордым Аггеем, а поводырём были для слепых. Будем надеяться, что At<t>alea princeps, проломив стеклянную кровлю оранжереи, не замёрзнет, что кузнечики, мухи, ящерицы и такие коняги, к<ак> я, всю жизнь тянувшиеся и тянувшие воз в виду клочка сена, привязанного на конце дышла, — все найдут — то, что кому нужно³.

Литературное наследство после него осталось только в его письмах, из которых можно было бы составить драгоценнейший материал, — историю его внутренней жизни, открывающую несравненное богатство его внутренней жизни за полвека и даже более⁴. Спрашиваю М<арию> Хр<исанфовну> Херс<онскую>⁵: кому вручить это сокровище? Оно не всем будет по вкусу, но — чем лучше! И теперь уже являются противники, препятств<ав> даже печатанию некролога⁶.

Примечания.

1. Лаврский Константин Викторович (1844–1917) — публицист, юрист, друг Г. Н. Потанина по вологодской ссылке, совместно с Н. Я. Агафоновым соиздатель “Камско–Волжской газеты” (1872–1874), первого периодического органа областников, в 1906 г. представитель трудовой фракции в I Государственной Думе. К письму прилагаются выписки из писем Ант. В. Лаврской “об агонии и кончине”; последняя дата в выписках — 31 октября 1917; скончался “казанский Добролюбов” на хуторе близ села Беловолжского Чебоксарского уезда Казанской губернии (по мнению терапевта А. С. Богданова, смерть наступила от рака легких с обширными метастазами и от асцита — скопления жидкости в брюшной полости).

2. Избранный 15 декабря 1917 г. председателем временного Сибирского областного совета Г. Н. Потанин уже 30-го декабря сложил с себя полномочия.

3. Аллюзии на рассказы В. М. Гаршина "Сказание о гордом Аггее", "Attalea princeps", "То, чего не было".

4. Мне известны 3 письма К.В. Лаврского в частном собрании (Томск), 3 письма в РГАЛИ, 47 писем в архиве Г. Н. Потанина Научной библиотеки ТГУ. Несомненно, что есть и другие. Ни одно из писем К. В. Лаврского в печати не бывало.

5. Свентицкая Мария Хрисанфовна (урожд. Херсонская, 1855 ? — не ранее 1926) — учительница.

6. Некролог К. В. Лаврскому в казанских газетах не обнаружен.